Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии[1]

Е.В. Журавлева

Журавлева Евгения Владимировна – к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); преподаватель кафедры мировой экономики и международных отношений Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; E-mail: zhuravleva_ev@rudn.university

В статье проводится комплексный анализ совокупной «мягкой силы» КНР в Монголии в период с 2006 по 2016 г. Для определения масштабов китайской политики в этой области приведены показатели двух влиятельных акторов региона: Российской Федерации и США. При этом в работе не только используется компаративный подход для оценки эффективности «мягкой силы» Китая, но и применяется количественный метод по подсчету soft power index на основе системы «мягкой силы», предложенной исследователем, и опыта британского аналитического центра The Institute for Government. Цель работы – определить степень эффективности политики «мягкой силы» КНР в Монголии.

Автор проанализировала инструментарий четырех компонентов «мягкой силы»: внешнеполитические принципы, успешная экономическая модель, успешная социальная модель и культурно-цивилизационные ценности. Во-первых, это позволило определить, какой из компонентов наиболее активно используется государством-субъектом и в наибольшей степени влияет на формирование привлекательного восприятия в Монголии. Во-вторых, удалось выявить основные изъяны реализуемых проектов КНР, РФ и США в данной стране, что наглядно демонстрирует недостаточную проработанность политики в этой области, в частности со стороны России, так как уже сейчас можно заявить о преобладании Китая в рамках различных аспектов: от экономического влияния до проникновения национального языка и культуры. КНР постепенно повышает роль культурно-цивилизационных ценностей в рамках политики «мягкой силы» ввиду ослабления значимости компонента «успешная экономическая модель». Это связано не только с замедлением темпов роста китайской экономики, но и с экономическим кризисом внутри самой Монголии.

Тем не менее автор приходит к выводу, что несмотря на довольно хорошие показатели, КНР также испытывает определенные трудности с реализацией своей политики «мягкой силы», так как среди населения Монголии распространены настроения синофобии и, как следствие, отсутствует главный результат «мягкой силы» – формирование привлекательного образа.

Ключевые слова: soft power index; мягкая сила Китая; Россия; США; Монголия, Институт Конфуция; МАПРЯЛ

Для цитирования: Журавлева Е.В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 171–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-10

[1] Статья поступила в редакцию в марте 2017 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002.

Введение

Вопрос целесообразности применения политики «мягкой силы» в современных международных отношениях довольно часто поднимается в научном сообществе. Ключевыми работами в этой области, особенно в отношении КНР, по праву можно считать труды Я. Бергера, А.В. Ломанова, О. Борох, С.А. Михневича и др. [Ломанов, Кобелев, 2015; Михневич, 2014].

Проблема оценки результатов деятельности субъектов остается довольно актуальной. Однако, как и в случае с определением понятия «мягкая сила», в сфере выработки единой методологии измерения степени воздействия «мягкой силы» субъекта на объект на сегодняшний день консенсуса нет [Журавлева, 2016a]. Более того, на данный момент отсутствуют специальные измерительные единицы для ряда инструментов, которые необходимо учитывать при анализе «мягкой силы» государства [McClory, 2010].

Однако существует немало рейтингов «мягкой силы», как отмечает Е.М. Харитонова, а также несколько подходов к ее измерению, среди них стоит обратить внимание на компаративный подход для сравнения отдельных категорий и потенциала «мягкой силы» акторов, оценку эффективности инструментов «мягкой силы» и оценку изменений в странах – объектах воздействия [Харитонова, 2015]. За основу качественного и количественного измерения «мягкой силы», как правило, берутся довольно различные критерии, включая бизнес, инновации, цифровые технологии, дипломатию и др. Одним из ярких примеров является совместное исследование Сколково и Ernst & Young, в рамках которого по 13 категориям оценивается «мягкая сила» развивающихся стран. Несмотря на масштаб исследования, в нем также существуют противоречия. Авторы используют такой показатель, как распространенность английского языка, что может послужить для оценки «мягкой силы» англоязычного мира, но никак не развивающихся стран. Также сомнение вызывают индикаторы: «явка на выборы», «выбросы CO_2» и др. [Ernst & Young, 2012]. Если рассматривается влияние «мягкой силы» на конкретный объект, то не всегда глобальный тренд будет транслироваться на него и его интересы и предпочтения с точки зрения привлекательности.

Автор данного исследования с помощью разработанной системы «мягкой силы» [Журавлева, 2016b], которая применима не только к китайскому опыту в этой области, но и к любому субъекту международных отношений, а также опираясь на достижения британских коллег, сравнивает показатели с помощью пропорции. Для нормализации всех индикаторов они сведены к единой системе условных баллов «мягкой силы». Несмотря на то что и в исследовании Сколково, и в работе The Institute for Government те или иные значения присваивались категориям в зависимости от степени их важности, автор присваивает всем инструментам равное условное количество баллов (1 балл), за исключением очевидных многоуровневых случаев, где коэффициент дается с понижением в 0,1 балла. Такие инструменты «мягкой силы», как ПИИ, товарооборот и другие показаны в долгосрочной перспективе, как правило, в период 2009–2016 гг., краткосрочные показатели оцениваются в рамках последних лет. Кроме того, несмотря на явные различия географического положения, демографических показателей и уровня развития экономики стран-субъектов, автор использует единые стандарты при их оценке. Нет никаких преград для увеличения «мягкой силы», и любой из субъектов может наращивать свой потенциал в каждой из областей. Так, США могут активно мягко влиять на Монголию через своих партнеров в регионе: Южную Корею и Японию.

Совокупный показатель «мягкой силы» страны-субъекта будет рассчитан по формуле N1 + N2 + N3 + N4 = N, где N1 – показатель «мягкой силы» субъекта в рамках компонента «внешнеполитические принципы», N2 – показатель «мягкой силы» субъ-

екта в рамках компонента «успешная экономическая модель», N3 – показатель «мягкой силы» субъекта в рамках компонента «культурно-цивилизационные ценности» и N4 – показатель «мягкой силы» субъекта в рамках компонента «успешная социальная модель». В Приложении 1 подробно представлены четыре ключевых компонента системы «мягкой силы», а также ряд инструментов, которые были оценены автором.

Роль компонента «внешнеполитические принципы» в рамках политики «мягкой силы» КНР, США, РФ в Монголии

Официальные отношения КНР с Монголией были установлены сразу после образования коммунистического государства в 1949 г. В течение XX в. они претерпевали и взлеты, и падения, но к концу столетия благодаря усилиям двух стран и общности исторического развития был достигнут ряд соглашений, которые укрепили сотрудничество между ними.

Первые лица КНР встречаются с лидерами Монголии нечасто, хотя в последние годы интерес к соседу со стороны субъекта заметно возрос. Всего с 1952 по 2015 г. было совершено 28 визитов высшего руководства Монголии, включая председателя Государственного хурала, премьер-министра и президента, из них всего пять пришлись на визиты монгольского президента. За тот же период китайское руководство в лице председателя КНР и премьера Госсовета КНР посетили Монголию восемь раз, из них половина приходится на визиты председателя КНР[2]. Си Цзиньпин уже дважды посетил Монголию: в 2008 г., занимая пост заместителя председателя КНР, и в 2014 г., будучи главой КНР. Кроме того, лидеры КНР и Монголии регулярно встречаются на полях саммитов ШОС и других многосторонних площадок. В 2014 г. отношения Китая и Монголии были официально переведены на новый уровень – всеобъемлющее стратегическое партнерство. В ходе встречи между Си Цзиньпином и президентом Монголии Цахиагийном Элбэгдоржем было подписано порядка 30 соглашений, в том числе о валютном свопе [Фань, 2014]. В рамках китайско-монгольского сотрудничества на данный момент действуют две межправительственные структуры: Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и Комиссия по сотрудничеству в области минеральных ресурсов, энергетики и инфраструктуры[3]. Китай и Монголия одновременно работают в рамках различных международных организаций, что позволяет им в разы чаще консультироваться и слышать позицию друг друга по тем или иным вопросам. Примечательно, что обе страны принимают участие в ЮНАМИД[4].

Разительно отличается политика «мягкой силы» России на территории Монголии. Российское государство с XVIII в. поддерживает торговые отношения с монголами Центральной Азии. По заявлениям отечественных историков, простой народ Монголии всегда тяготел к России и стремился к установлению контактов с ней [Кабанова, 2014]. Монголия всегда видела в своем северном соседе противовес восточному – Китаю, так было и в начале XX в., так происходит и сейчас. Советский период можно

[2] Mongolia-China Relations // MFA of Mongolia. Режим доступа: http://www.mfa.gov.mn/?p=29545 (дата обращения: 20.01.2016).

[3] Худалдаа, Эдийн Засаг, Шинжлэх Ухаан, Техникийн Хамтын Ажиллагааны Засгийн Газар Хоорондын Комиссуудын Монголын Хэсгийн Удирдах Бүрэлдэхүүн [Торгово-экономические и научно-технические межправительственные комиссии при участии Монголии]. Режим доступа: http://www.legalinfo.mn/annex/details/6621?lawid=10836 (дата обращения: 13.03.2016). (На монг. яз.)

[4] International Organization Participation. CIA. Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2107.html (дата обращения: 13.03.2016).

охарактеризовать как время сближения Улан-Батора и Москвы. В 1960–1970-е годы СССР принимал активное участие в развитии инфраструктуры Монголии, советскими строителями были возведены города Дархан и Эрденет. Наследство СССР оставило определенный задел для продвижения политики «мягкой силы» России на территории Монголии.

На современном этапе российско-монгольские отношения получили новый импульс к развитию. Одним из самых плодотворных на государственном уровне стал 2014-й год: российский президент В.В. Путин встретился со своим коллегой Цахиагийном Элбэгдоржем четыре раза, причем их последняя встреча проходила совместно с председателем КНР Си Цзиньпином. Трехсторонние переговоры не только стали традиционной формой взаимодействия, но и беспрецедентным явлением в отношениях Китая, России и Монголии, что демонстрирует их значимость и наличие общих вопросов.

На данный момент характер отношений определяется как «стратегическое партнерство», для реализации двустороннего взаимодействия между соседями действуют две структуры, как и в отношениях с КНР: Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и Подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству[5].

Дипломатические отношения с США были установлены в 1987 г., и на данный момент именно США играют не последнюю роль в монгольской внешнеполитической концепции о «третьем соседе». В отличие от своих коллег Вашингтон «не жалует» центральноазиатскую страну своими визитами. Оба раза, учтенные автором, приходятся на поездки монгольского президента в США в период с 2006 по 2016 г. Только в 2005 г. состоялся исторический визит Дж. Буша мл. Отношения между двумя странами на современном этапе официально характеризуются как «всестороннее партнерство» (“comprehensive partnership”) и не имеют стратегической подоплеки. Автор оценивает уровень ниже, чем «стратегическое партнерство». По количеству международных организаций, в которых одновременно участвуют США и Монголия, американская сторона незначительно проигрывает российской и китайской: 42.

Таблица 1. Оценка компонента «мягкой силы» «внешнеполитические принципы»

Уровень отношений	**Двусторонние визиты**	**Двусторонние совместные межправительственные структуры**	**Участие в международных организациях**	**Итого**
КНР				
Всеобъемлющее стратегическое партнерство	4	2	46	
Баллы «мягкой силы»				
0,9	4	2	46	50,9
РФ				
Стратегическое партнерство	7	2	46	
Баллы «мягкой силы»				
0,8	7	2	46	57,8

[5] Худалдаа, Эдийн Засаг, Шинжлэх Ухаан, Техникийн Хамтын Ажиллагааны Засгийн Газар Хоорондын Комиссуудын Монголын Хэсгийн Удирдах Бүрэлдэхүүн [Торгово-экономические и научно-технические межправительственные комиссии при участии Монголии]. Режим доступа: http://www.legalinfo.mn/annex/details/6621?lawid=10836 (дата обращения: 13.03.2016). (На монг. яз.)

Уровень отношений	Двусторонние визиты	Двусторонние совместные межправительственные структуры	Участие в международных организациях	Итого
США				
Всестороннее партнерство	2	0	42	
Баллы «мягкой силы»				
0,7	2	0	42	44,7

Таким образом, по компоненту «внешнеполитические принципы» с небольшим отрывом благодаря более тесному диалогу на высшем уровне лидирует Россия, за ней следует Китай, который также активно взаимодействует с Монголией в политической области, но зачастую на министерском уровне.

Экономическая модель как основа успешного имиджа

Для оценки эффективности продвижения компонента «успешная экономическая модель» будут использоваться следующие инструменты: инвестиции в экономику страны, присутствие иностранного бизнеса на территории Монголии, товарооборот, участие в интеграционных проектах, продвижение национальной валюты, объемы ОПР и пр.

В первую очередь будет оценен инвестиционный климат Монголии по количеству привлеченных инвестиций в период с 2009 по 2015 г.

Таблица 2. Динамика накопленных ПИИ в Монголии в 2006–2015 гг., млн долл. США[6]

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средний показатель
КНР								
Объем инвестиций	1241,66	1435,52	1886,62	2954	3354	3760	3760	2627,4
Баллы «мягкой силы»	1,24	1,43	1,88	2,9	3,3	3,76	3,76	2,6
РФ								
Объем инвестиций	49	54	91	464	287	176	194	187,8
Баллы «мягкой силы»	0,049	0,054	0,091	0,46	0,28	0,17	0,19	0,187

[6] Исходящие прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж по инструментам и странам-партнерам в 2009–2015 // Статистика внешнего сектора ЦБ РФ. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs (дата обращения: 15.12.2015); International Data. Direct Investment and MNE. Bureau of Econimic Analisys of US Department of Commerce. Режим доступа: http://www.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=2&step=1#reqid=2&step=10&isuri=1&202=1&203=30&204=10&205=1,2&200=1&201=1&207=49,48,43,42,41,40,39,38,37&208=2&209=364 (дата обращения: 15.12.2015); Чжунго дуйвай тоуци хэцзо фачжань баогао [Отчет о развитии сотрудничества в области китайских зарубежных инвестиций] // Министерство торговли КНР. Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/upload/zgdwtzhzfzbg2015.pdf (дата обращения: 12.03.2016). (На кит. яз.)

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средний показатель
США								
Объем инвестиций		–3	6	Н. д.*		31	Н. д.	12,8
Баллы «мягкой силы»		–0,003	0,006	Н. д.		0,031	Н. д.	0,012

* Данные недоступны ввиду закрытого характера информации за данный период.

В 2014 г. Монголия попала в десятку азиатских государств по количеству китайских прямых инвестиций, объем ПИИ составил 3,76 млрд долл. США[7]. Стоит обратить внимание на то, что заметен стабильный ежегодный рост, а в 1990–2012 гг., по данным ЮНКТАД, Китай был крупнейшим инвестором в экономику Монголии и на его долю приходилось 32% всех ПИИ [UNCTAD, 2013].

Российские инвестиции также играют немалую роль в развитии инфраструктуры Монголии, благодаря капиталовложениям РФ удалось наладить железнодорожное сообщение и мобильную связь [Ibid.]. По данным монгольских источников, российские прямые инвестиции в 1990–2003 гг. превысили 300 млн долл. США, что составляет всего 2,11% от общего числа инвестиций[8]. Из табл. 2 видно, что китайская инвестиционная политика на территории Монголии выглядит намного убедительнее, чем деятельность в этой области США и России. Средний балл «мягкой силы» КНР за 2009–2015 гг. составляет 2,6 балла, в то время как российский и американский показатели – 0,187 и 0,012 балла соответственно. Стоит обратить внимание, что независимо от уровня развития экономики США заинтересованность в инвестициях в монгольский бизнес невысока.

Данные о присутствии китайских компаний на рынке Монголии значительно разнятся: от 1200 до 7 тыс. Тем не менее, согласно официальным данным Министерства торговли КНР, в Монголии зарегистрировано 6500 компаний при участии китайского капитала[9], а это половина всех иностранных фирм, работающих на территории центральноазиатского государства. Российских официально зарегистрированных компаний и совместных предприятий в Монголии 425, из них реально работающими считаются чуть менее 60[10].

Очевидно, что китайский бизнес активно работает на монгольском рынке, хотя данные по реально работающим компаниям отсутствуют. Согласно статистике Монгольского статистического информационного сервиса, на данный момент активны

[7] Чжунго дуйвай тоуци хэцзо фачжань баогао [Отчет о развитии сотрудничества в области китайских зарубежных инвестиций] // Министерство торговли КНР. Режим доступа: http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/upload/zgdwtzhzfzbg2015.pdf (дата обращения: 12.03.2016). (На кит. яз.)

[8] Invest Mongolia Agency. Режим доступа: http://investmongolia.gov.mn/en/ (дата обращения: 12.01.2014).

[9] Дуйвай тоуцзы хэцзо го бе (дицюй) чжинань. Мэнгу Го (2015 няньбань) // Чжунго чжу Мэнгу Го даши гуань цзинцзи шану цаньцзань чу [Путеводитель по сотрудничеству по зарубежным инвестициям по странам (регионам). Монголия (издание 2015 г.) // Канцелярия советника по торгово-экономическим делам при посольстве КНР в Монголии]. Режим доступа: http://mn.mofcom.gov.cn/article/ztdy/201512/20151201200492.shtml (дата обращения: 20.12.2015). (На кит. яз.)

[10] Торгово-экономические отношения России и Монголии. Досье. ИТАР-ТАСС. Режим доступа: http://itar-tass.com/info/1416054 (дата обращения: 12.01.2014).

2036 иностранных компаний[11]. Также следует отметить довольно низкую активность российских фирм на территории своего ближайшего соседа, что ставит под сомнение эффективность работы Подкомиссии по региональному сотрудничеству. Из активности иностранного бизнеса «вытекает» и товарооборот между странами.

Таблица 3. Динамика китайско-монгольской торговли в 2009–2015 гг., млн долл. США[12]

Год	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**Средний показатель**
Объем торговли	2429	4001	6432	6601	5959	7318	5466	5443,7
Баллы «мягкой силы»	2,42	4	6,43	6,6	5,95	7,31	5,36	5,45
РФ								
Объем торговли	717	1015	1585	1915	1613	1500	1161	1358
Баллы «мягкой силы»	0,71	1	1,5	1,91	1,61	1,5	1,16	1,34
США								
Объем торговли	55,3	127	326	707	299,2	182,2	86,4	254,2
Баллы «мягкой силы»	0,053	0,12	0,32	0,7	0,29	0,18	0, 086	0,27

Из табл. 3 следует, что в период с 2009 по 2014 г. товарооборот между КНР и Монголией увеличивался примерно в 1,5 раза в год, что свидетельствует о его положительной динамике. В первой половине 2014 г. российский экспорт в Монголию составил 730,7 млн долл. США, а импорт – 16,7 млн долл. США. Но после сентябрьской встречи 2014 г. главы обоих государств планировали увеличить товарооборот до 10 млрд долл. США [Мосты, 2014], пока показатель за прошедший год только снизился, к тому же сама целевая цифра сравнительно небольшая, но таких результатов даже КНР пока не добилась.

[11] Number of active establishments, by regions, soumsaimags and the Capital, by ownership type. Mongolian Statistical Information Service. Режим доступа: http://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_2600_005V1(дата обращения: 15.03.2016).

[12] Чжунго тун ячжоу гэго (дицюй) цзиньчукоу цзунъэ. Гоцзя шуцзюй // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго тунцзицзюй [Общий объем экспорта и импорта Китая со странами (регионами) Азии. Национальные данные // Статистическое бюро КНР]. Режим доступа: http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 12.03.2016). (на кит. яз.); Trade Stats Express. International Trade Administration. Режим доступа: http://tse.export.gov/tse/ChartDisplay.aspx (дата обращения: 12.03.2017); Trade in Goods with Mongolia // US Census. Режим доступа: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5740.html (дата обращения: 24.04.2017); Таможенная статистика внешней торговли /Федеральная таможенная служба РФ. Режим доступа: http://customs.ru:8111/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095 (дата обращения: 20.03.2016).

Фактор ближайшего соседа позволяет России обойти США по показателям взаимной торговли с Монголией, но лидером в тройке является Китай. Тем не менее в 2015 г. произошло резкое снижение товарооборота с партнерами, что можно объяснить тяжелым экономическим кризисом в государстве и, как следствие, оттоком капитала из страны.

Ввиду географического положения Монголия весьма избирательно относится не только к участию в различных международных организациях, но и в интеграционных проектах. В 2015 г. предполагалось, что страна изменит свой статус наблюдателя в ШОС и станет ее полноправным участником, но этого не произошло. На данный момент Монголия «присматривается» и к «глобальным» проектам России и Китая. Отмечается, что страна проявляет заинтересованность во взаимодействии, но пока не в участии. В 2015 г. была создана рабочая группа между Евразийской экономической комиссией и Монголией, в рамках которой обсуждаются вопросы сотрудничества стран ЕАЭС и Улан-Батора [Bnews, 2015]. Несколько иная ситуация с китайским сотрудничеством: Монголия не просто готова участвовать в строительстве ЭПШП, но и заинтересована в его сопряжении с национальным проектом «Степной путь». Проблема транспортно-логистической сферы – одна из наиболее острых для Монголии, поэтому взаимодействие с КНР в рамках проекта «Один пояс – один путь», вероятно, позволит ее решить. США непросто «просочиться» между двумя крупными соседями Монголии, хотя в 2015 г. Торговая палата США в Монголии активно призывала руководство страны присоединиться к Транстихоокеанскому партнерству[13]. Улан-Батор не принял приглашение, но нельзя было исключить и возможность согласия, учитывая внешнеполитическую стратегию «третьего соседа», однако на данный момент вопрос жизнеспособности американского проекта более актуален, чем участие в нем Монголии. Таким образом, по этому показателю у России и США – 0 баллов, а у КНР – 1 балл.

В 2003 г. между ЦБ РФ и ЦБ Монголии было подписано соглашение о расчете по внешнеэкономическим связям в национальных валютах, при этом не исключается расчет в валюте третьей стороны[14]. Американский доллар, как и во всем мире, превалирует во внешней торговле страны, но и китайский юань все активнее проявляет себя на валютном рынке, о чем свидетельствуют последние соглашения Китая и Монголии о валютном свопе. Все три субъекта по показателю «продвижение национальной валюты» имеют равные шансы в области «мягкой силы» и получают по 1 баллу.

Монголия относится к числу стран, которые активно используют иностранную помощь. Но открытой информации о масштабах задолженности Монголии перед отдельными странами нет, поэтому мы оставляем за собой право исключить данный параметр из оценки «мягкой силы» субъектов на объект. Но стоит отметить, что в 2016 г. факт списания долга Россией в размере около 170 млн долл. США получил отклик не только в Москве и Улан-Баторе, но и в Китае, где эта новость была широко растиражирована. Для оценки этой области компонента «успешная экономическая модель» мы сравниваем объемы ОПР, предоставленной Россией, США и Китаем.

[13] AmCham Calls for Mongolia to Set Sight on Trans-Pacific Partnership. Режим доступа: http://amcham.mn/amcham-calls-for-mongolia-to-set-sight-on-trans-pacific-partnership/ (дата обращения: 12.03.2016).

[14] Соглашение между Центральным банком Российской Федерации и Центральным банком Монголии об организации расчетов по внешнеэкономическим связям. ЦБ РФ. Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/print.aspx?file=Mongolia.htm (дата обращения: 20.03.2016).

Таблица 4. Официальная помощь развитию Монголии со стороны РФ, КНР и США в 2009–2015 гг., млн долл. США[15]

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средний показатель
РФ								
Объем ОПР	–	–	–	7,92	0,01	–	0,34	2,75
Баллы «мягкой силы»	0	0	0	0,0079	0,00001	0	0,00034	0,0011
КНР								
Объем ОПР	8,7	1,5	0,115	–	–	–	–	3,4
Баллы «мягкой силы»	0,0087	0,0015	0,00011	0	0	0	0	0,0014
США								
Объем ОПР	34,93	45,54	57,75	112,43	86,51	11,72	8,91	51,1
Баллы «мягкой силы»	0,034	0,045	0,057	0,112	0,086	0,011	0,0089	0,05

Источник: [OECD, 2016].

Помимо ОПР, выраженной в финансовом эквиваленте, стоит принять во внимание заявления руководства КНР о предоставлении дополнительных стипендий монгольским студентам, а также расширение сотрудничества в области сельского хозяйства[16]. Однако по показателю ОПР США значительно опережают своих партнеров со средним баллов 0,05, затем следует КНР и с небольшим отрывом Россия.

В области продвижения «успешной экономической модели» КНР удалось добиться довольно весомых результатов, китайская сторона с отрывом почти в 12 баллов опережает своих партнеров.

Элемент «культурно-цивилизационные ценности» в политике «мягкой силы» КНР, США и РФ

Помимо тесных экономических взаимоотношений оба государства связывает и культурное наследие. Китай уделяет особое внимание монгольской культуре на своей территории и ее общности с народом, населяющим современную Монголию.

В 1998 г. было подписано соглашение о взаимном признании ученых степеней, а в 2005 г. достигнуто пятилетнее соглашение в области образовательных обменов между КНР и Монголией. Через три года был открыт первый Институт Конфуция при Монгольском государственном университете. На данный момент их уже три, и один кабинет Конфуция. В том же 2008 г. было достигнуто соглашение, по которому в Монголию могут направляться учителя китайского языка в качестве волонтеров. В 2012 г. число студентов из Монголии, которые проходят обучение в Китае, составило, по официаль-

[15] Aid Data. Режим доступа: http://china.aiddata.org/projects (дата обращения: 20.03.2016).
[16] Ibid.

ным данным, 8210 человек[17]. Несмотря на то что во время своего визита в Монголию председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что в ближайшие пять лет Китай предоставит монгольским студентам 1000 государственных стипендий[18], в 2014 г. этот показатель несколько снизился до 7920 человек, а в 2015 г. – до 7428[19]. На территории самой Монголии количество учебных заведений, предлагающих изучение китайского как иностранного, весьма велико. В 2001 г. китайский язык изучали 550 студентов, а в 2008 г. – уже 1760. Особо следует отметить большую вовлеченность в изучение языка школьников средней и начальной школы. В 2010 г. китайский язык изучали 5 916 школьников, из них большая часть обучалась в частных школах (4136), меньшая в государственных (1780)[20].

Продвигается сотрудничество и в научной сфере. В 2007 г. в Монголии был открыт Китайско-монгольский центр по обмену технологиями. В 2014 г. страны, так же как и в области образования и культуры, подписали соглашение о продвижении обмена научно-техническими кадрами.

На территории Монголии работают центры российской культуры: один Российский центр науки и культуры и два кабинета «Русского мира», которые проводят различные мероприятия, а также занимаются продвижением русского языка. Помимо этого, РЦНК имеет пять представительств в Монголии.

По данным исследования Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, к началу 1990-х годов 67,5% жителей Монголии читали и понимали по-русски, 45% – писали, 44,8% – понимали и 33,7% – говорили на русском языке. В начале XXI в., по данным Министерства образования, культуры и науки Монголии, в учебных заведениях русский язык изучали 386 тыс. человек [Фалилеева и др., 2013, с. 14]. С 2006 г. во всех средних школах Монголии введено изучение русского языка как обязательного второго иностранного с 7-го класса. Существуют русские школы, где преподавание ведется только на русском [Наумов, 2008]. А с недавнего времени русский язык стал изучаться и в старших классах. По данным монгольской официальной статистики, в конце 2011 г. в школах работали 710 преподавателей русской языка, в то время как английского – 2130, китайский язык не выделяется, но есть отдельная категория «другие иностранные языки», численность этой группы не превышала 190 человек. По данным МАПРЯЛ, в Монголии русский язык изучает более 10 тыс. студентов [Эрдэнэмаам, б. г.] В свою очередь, в 2010/2011 учебном году в российских вузах обучалось 3120

[17] 2012 нянь цюаньго лайхуа люсюэшэн цзяньмин тунцзи баогао // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяоюйбу [Краткий статистический отчет за 2012 г. о студентах-иностранцах, приезжающих в Китай // Министерство образования КНР]. Режим доступа: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s5987/201303/148379.html (дата обращения: 12.01.2014). (На кит. яз.).

[18] Си Цзиньпин цзай Мэнгуго гоцзя да хулаэр яньцзян цюаньвэнь // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Гофанбу [Полный текст выступления Си Цзиньпина перед Великим государственным хуралом Монголии / Министерство обороны КНР]. Режим доступа: http://www.mod.gov.cn/affair/2014-10/28/content_4547540.htm (дата обращения: 12.01.2014). (На кит. яз.)

[19] 2014 нянь цюаньго лайхуа люсюэшэн шуцзюйтунцзи // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяоюйбу. [Национальная статистика иностранных студентов в 2014 г. // Министерство образования КНР]. Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201503/t20150318_186395.html (дата обращения: 12.03.2016). (На кит. яз.); 2015 нянь цюаньго лайхуа люсюэшэн шуцзюйтунцзи // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяоюйбу [Национальная статистика иностранных студентов в 2014 г. // Министерство образования КНР]. Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201604/t20160414_238263.html (дата обращения: 12.03.2017). (На кит. яз.)

[20] Цзинь 10 нянь Мэнгу Го ханьюй цзяосюэ чжуанкуан дяоча юй яньцзю [Исследование и обзор преподавания китайского языка в Монголии за последние 10 лет]. Режим доступа: http://max.book118.com/html/2014/0117/5599883.shtm (дата обращения: 20.03.2016). (На кит. яз.)

монгольских студентов[21]. При этом следует отметить, что власти Монголии периодически обращаются с просьбой к российскому правительству увеличить стипендиальные квоты для монгольских абитуриентов. В 2012/2013 учебном году квота была увеличена с 270 до 300 мест[22]. В 2017 г. российская сторона увеличила этот показатель до 450 мест.

На территории Монголии действуют три филиала российских вузов, среди них филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, филиал ВСГУТУ и филиал РЭУ им. Плеханова[23]. Помимо сотрудничества в образовательной сфере Россия и Монголия развивают взаимодействие и в научной сфере: МГУ совместно с Академией наук Монголии реализовывал проект в области рационального природопользования. Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Министерство образования, культуры и науки Монголии в 2012 г. провели конкурс исследовательских проектов, по результатам которого были поддержаны 11 проектов в области исследований влияния природных и антропогенных факторов на окружающую среду, наноструктурированных материалов, биоразнообразия, петрологии, генетики. Также развивается сотрудничество РАН РФ и АН Монголии.

Американское присутствие в Монголии в научно-образовательном пространстве также ощутимо. США предлагают широкий ассортимент стипендиальных программ, включая программы Фулбрайт, ТЕА, программу Хьюберта Хамфри и даже стипендию на обучение в американской военной академии[24]. В начале 2000-х английский язык изучали около 210 тыс. человек [Фалилеева и др., 2013].

На территории Монголии действует два Американских культурных и информационных центра – в Улан-Баторе и Ховде, работает Американский университет Монголии, который был открыт не так давно – в 2012 г. Согласно официальной статистике, в нем обучается всего восемь студентов[25]. Помимо этого, закрытый в некоторых странах Корпус мира успешно работает здесь, а его офис насчитывает порядка 30 человек[26].

В рамках двусторонних отношений Монголии и США нет специализированной структуры, отвечающей за научно-техническое сотрудничество, тем не менее реализуется большое число научных проектов в области природопользования и охраны исторического наследия. В их числе специальная программа по защите местных видов, разработанная в 2010 г. Зоопарком Денвера и Академией наук Монголии, в июле 2015 г. Министерство окружающей среды, зеленого развития и туризма и Национальный парк США Йосемити подписали соглашение о сестринстве парков [Zhu Zhonghe, 2015]. Учитывая развитие двустороннего научно-технического сотрудничества, будет

[21] Иностранные студенты в российских вузах: доклад на Третьем всемирном форуме иностранных выпускников советских и российских вузов (Москва, ноябрь 2012 г.) // Демоскоп Weekly. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php (дата обращения: 12.01.2014).

[22] Протокол XVI заседания Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Официальный портал. Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/16a/16.pdf?spetial=Y (дата обращения: 12.01.2014).

[23] Суралцагчид (сургууль, боловсролын зэрэг, сургалтын хэлбэрээр) [Студенты (Университет, образование, тип обучения)]. Режим доступа: http://www.meds.gov.mn/data/1601/5HigherSta1415%20.pdf (дата обращения: 20.03.2016). (На монг. яз.)

[24] Scholarships&Fellowships. US Embassy. Режим доступа: https://mn.usembassy.gov/education-culture/scholarship/ (дата обращения: 12.03.2017).

[25] Суралцагчид (сургууль, боловсролын зэрэг, сургалтын хэлбэрээр) [Студенты (Университет, образование, тип обучения)]. Режим доступа: http://www.meds.gov.mn/data/1601/5HigherSta1415%20.pdf (дата обращения: 20.03.2016). (На монг. яз.)

[26] About Peace Corps Mongolia // Peace Corps Mongolia. Режим доступа: http://mongolia.peacecorps.gov/about-peace-corps-mongolia (дата обращения: 12.03.2016).

справедливым добавить США 0,5 балла в пункте «Наличие структуры, контролирующей научно-техническое сотрудничество».

Во время поездки в Монголию в 2014 г. председатель КНР пригласил посетить Китай 250 монгольских журналистов и даже обещал бесплатно предоставить 25 лучших китайских телесериалов для перевода[27]. Такой жест со стороны китайского лидера подразумевает не только тесное сотрудничество в области культуры, но и стремление это сотрудничество расширить. Первый трехлетний план культурных обменов был подписан между двумя странами еще в 1998 г. В 2004 г. в Монголии прошла первая неделя китайской культуры, год спустя аналогичное мероприятие монгольской стороны было организовано в Китае.

На территории Монголии действует один культурный центр КНР в Улан-Баторе, но к центрам распространения китайской культуры можно отнести и Институты Конфуция, и Кабинет Конфуция – итого пять официальных центров распространения культуры. За 2016 г. при содействии Культурного центра было проведено 16 официальных мероприятий, в 2015 г. только за последний квартал 36 мероприятий. Наполнение совершенно различное: от традиционных дней Китая до недель фильмов о китайском чае, тренировок тайцзи и соревнований по ушу[28]. Хотя по статистике негосударственных культурных мероприятий Китай по-прежнему отстает, за 2015 г. только одно мероприятие прошло при участии знаменитости из Поднебесной[29].

На территории Монголии действует тот же «набор» китайских СМИ, что и в других странах, но особой популярностью пользуются китайские сериалы, которые переводятся и транслируются на монгольском ТВ. Именно этот сегмент современной китайской культуры пришел сюда раньше остальных, почти сразу же после нормализации двусторонних отношений. В рамках кабельного вещания действует три канала: CCTV, Inner Mongolia и CCTV для детей[30]. Основным информационным агентством является Синьхуа, также работает Жэньминь жибао. На территории Монголии вещают две китайских радиостанции, включая радио Внутренней Монголии.

Россия не отстает по числу проведенных официальных культурно-массовых мероприятий на территории Монголии: в 2014 г., согласно информации российского посольства, их было 39, в 2015 г. – 22. Среди ключевых мероприятий чествование монгольских ветеранов, декады русского языка, масленица и пр. К сожалению, их масштаб достаточно трудно оценить и назвать массовым. Так же, как и у КНР, в области проведения неофициальных мероприятий успехи невелики. В 2015 г. отмечено четыре мероприятия, по одному в 2014 и 2016 г.[31]

Российские СМИ в Монголии не столь активны, как, например, на постсоветском пространстве Центральной Азии. Телеканалы РФ доступны только в пакетах кабельного ТВ, в том числе Первый канал, ТНТ, Россия и др. Всего, по подсчетам автора, их 13[32].

---

[27] Си Цзиньпин цзай Мэнгуго гоцзя да хулаэр яньцзян цюаньвэнь // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Гофанбу [Полный текст выступления Си Цзиньпина перед Великим государственным хуралом Монголии / Министерство обороны КНР]. Режим доступа: http://www.mod.gov.cn/affair/2014-10/28/content_4547540.htm (дата обращения: 12.01.2014). (На кит. яз.)

[28] Чжунсин дунтай // Уланбато Чжунго вэньхуа чжунсинь [Китайский культурный центр в Улан-Баторе]. Режим доступа: http://ccchinaweb-ub.org/nr.jsp?m31pageno=4#module31 (дата обращения: 12.03.2016). (На кит. яз.)

[29] Gogo Mongolia. Режим доступа: http://mongolia.gogo.mn/r/148204 (дата обращения: 12.03.2016).

[30] Telecom Mongolia. National КаТВ. Режим доступа: http://www.mtcone.net/index.php?nid=21 (дата обращения: 12.03.2016).

[31] Gogo Mongolia. Режим доступа: http://mongolia.gogo.mn/r/148204 (дата обращения: 12.03.2016).

[32] Telecom Mongolia. National КаТВ. Режим доступа: http://www.mtcone.net/index.php?nid=21 (дата обращения: 12.03.2016).

Помимо этого действует совместный монгольско-российский канал АИСТ-TV. Информации о российских радиостанциях и деятельности российских информагентств на монгольском языке обнаружить не удалось.

Как упоминалось ранее, за культурную составляющую отвечают два американских культурных и информационных центра, а также Корпус мира в Улан-Баторе. В 2015 г., по данным посольства США, в Монголии было проведено 21 официальное мероприятие, включая лекции американских журналистов и видных деятелей, конкурс эссе о том, что такое демократия, а также совместное изучение проблем рек и водных ресурсов среди американских и монгольских школьников[33]. Неофициальные мероприятия, как и у КНР, у России представлены довольно скудно: за 2015–2016 гг. их было всего четыре. На территории Монголии вещает радио Voice of America, а также девять кабельных телеканалов, среди них CNN, National Geographic, BloombergTV и др.[34] Ключевым американским информагентством в Монголии является Bloomberg TVMongolia.

Оценить проникновение КНР, России и США в культурную среду Монголии также позволит оценка кинопроката и распространенность национальной кухни.

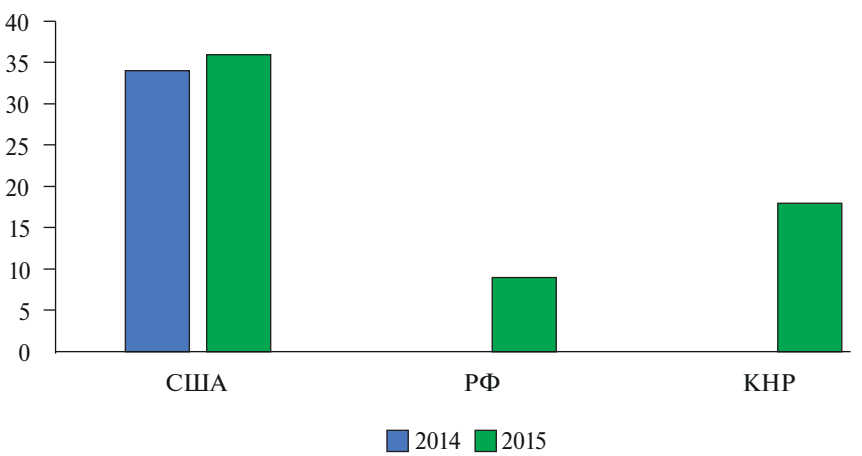

Рис. 1. Динамика кинопроката китайских, американских и российских фильмов в Монголии, 2014–2015 гг.

Источник: составлено автором на основе данных, размещенных на сайте Tengis.mn

К сожалению, источниковая база Монголии в этой области несколько ограничена, что не позволяет проследить динамику в более длительной перспективе, однако, согласно официальной статистике Монголии, на территории страны действуют 29 кинотеатров[35], и значительный перевес наблюдается в пользу американского кинематографа. К тому же, несмотря на то, что на графике столбик КНР значительно выше, нельзя сказать, что Китай опережает Россию, так как учтенные 18 фильмов не транс-

[33] Embassy News. US Embassy. Режим доступа: http://mongolia.usembassy.gov/archived-news-2014.html (дата обращения: 12.03.2016).

[34] Telecom Mongolia. National КаТВ. Режим доступа: http://www.mtcone.net/index.php?nid=21 (дата обращения: 12.03.2016).

[35] Статистик Мэдээлэл. Боловсрол, соёл, шинжлэх ухаан, спортын яам [Статистическая информация. Министерство образования, культуры, науки и спорта]. Режим доступа: http://www.mecss.gov.mn/Csta (дата обращения: 12.03.2016). (На монг. яз.)

лировались в широком прокате, а предполагались для показа 1200 студентам в рамках месяца китайского кино в Культурном центре. Тем не менее, как упоминалось ранее, в Монголии весьма популярны китайские сериалы, которые транслируются в переводе на местных телеканалах, что позволяет нам оставить данный показатель и не сокращать его. Что касается российского кинематографа, то все учтенные нами фильмы также транслировались в рамках мероприятия по продвижению российского кинематографа в Монголии и не выходили в широкий прокат. Только в 2014 г. в крупнейших кинотеатрах Улан-Батора был показан российский фильм «Сталинград», что свидетельствует о незначительных успехах отечественного кино на территории Монголии.

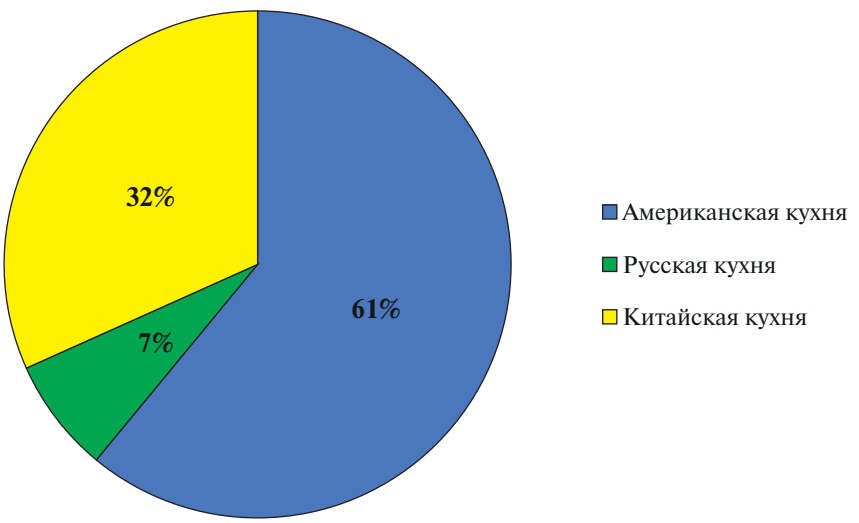

Рис. 2. Количество ресторанов и кафе Монголии, предлагающих в меню национальную кухню Китая, России и США

Источник: расчеты автора на основе информации сайта tripadviser.com

Мы проанализировали портал Tripadviser, согласно данным которого американская кухня в трех городах Монголии (Улан-Батор, Эрденет, Дархан) значительно преобладает над русской и китайской, хотя последняя составляет примерно половину от показателя США. В вышеуказанных городах находится 25 заведений общественного питания, предлагающих американскую кухню, 13 – китайскую и 3 – русскую.

Интернет-сервисы России также не особо популярны среди монгольского населения. Среди пользователей Vkontakte.ru около 22 тыс. пользователей ассоциируют себя с Монголией. Facebook используют около 1,3 млн человек, то есть около 50% населения Монголии. На рис. 3 по частоте запросов в Google в Монголии американская социальная сеть также доминирует.

Совершенно иная ситуация сложилась в области мобильных мессенджеров. Начиная с 2011 г. частота запросов по поиску китайского приложения WeChat демонстрирует широкую вовлеченность монгольского общества в китайскую информационную среду. И даже мировой лидер WhatsApp намного отстает от конкурента. Примечательно, что в 2015 г. наблюдался небольшой всплеск интереса к российскому приложению для быстрого обмена сообщениями, что позволяет предположить возможность его продвижения на монгольском IT-рынке при верном маркетинге.

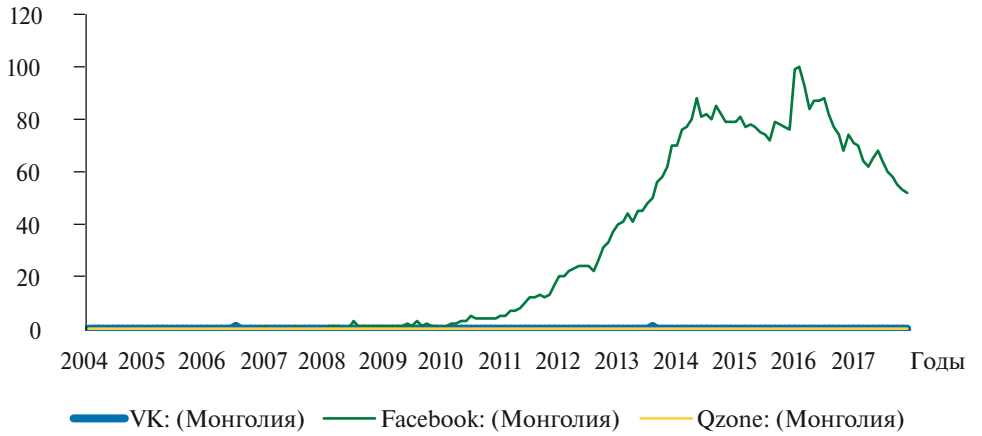

Рис. 3. Частота запросов по поиску социальных сетей в Google[36]

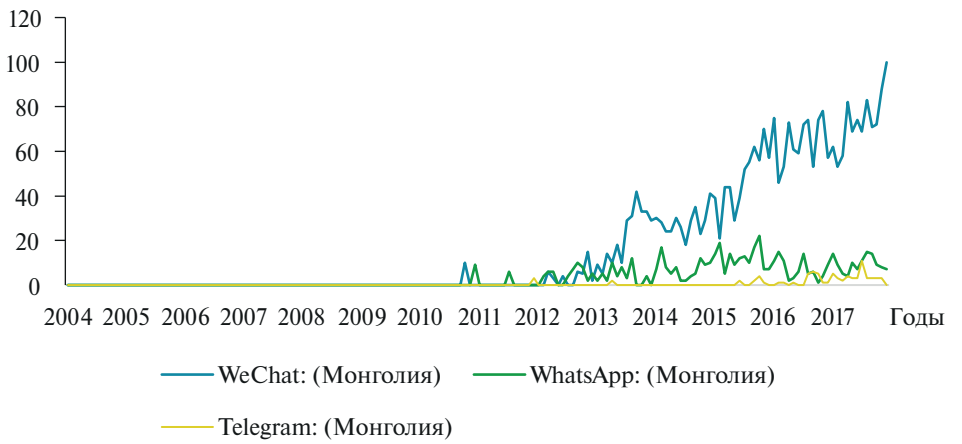

Рис. 4. Частота запросов по поиску социальных сетей в Google[37]

Особые условия визового режима существуют только в российско-монгольских отношениях. Согласно сентябрьскому соглашению 2014 г., граждане обеих стран могут находиться без визы на территории страны-партнера в течение 30 дней[38].

[36] Google Trends. Режим доступа: https://www.google.com/trends/explore#q=%2Fm%2F0h_9v3h%2C%20%2Fm%2F0gwzvs1%2C%20telegram&geo=KZ&cmpt=q&tz=Etc%2FGMT-3 (дата обращения: 12.03.2017).

[37] Google Trends. Режим доступа: https://www.google.com/trends/explore#q=%2Fm%2F0h_9v3h%2C%20%2Fm%2F0gwzvs1%2C%20telegram&geo=KZ&cmpt=q&tz=Etc%2FGMT-3 (дата обращения: 12.03.2017).

[38] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии. Консульский департамент МИД РФ. Режим доступа: http://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Agreement_RF_Mongolia_03.09.2014.aspx (дата обращения: 12.03.2017).

Таблица 5. Количество въездных туристов из страны-субъекта, посетивших Монголию, 2009–2015 гг.

Страна/ Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средний показатель
РФ	107911	121647	102738	83707	74468	73055	70668	90599
Баллы «мягкой силы»	1,07	1,21	1,02	0,83	0,74	0,73	0,7	0,9
США	11335	12808	15423	15587	14701	13987	14420	14037
Баллы «мягкой силы»	0,11	0,12	0,15	0,15	0,14	0,13	0,14	0,13
КНР	181523	193730	200010	228547	178326	157561	145029	183532
Баллы «мягкой силы»	1,81	1,93	2	2,28	1,78	1,57	1,45	1,8

Таблица 6. Количество выездных туристов в страны-субъекты из Монголии, 2009–2015 гг.

Страна/ Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средний показатель
РФ	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.	158 000	378 196	268 098
Баллы «мягкой силы»	0	0	0	0	0	1,58	3,78	0,76
США	5 012	5 806	7 065	7 286	8390	10347	10713	7802
Баллы «мягкой силы»	0,05	0,058	0,07	0,072	0,083	0,1	0,1	0,07
КНР	576 700	794 400	994 200	1 010 000	1 050 000	1 083 000	1 014 000	918 716
Баллы «мягкой силы»	5,76	7,94	9,94	10	10	10	10	9

Источник: Number of Inbound Tourists, by country // Mongolian Statistical Information service. Режим доступа: http://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_1800_010V1 (дата обращения: 24.04.2016); Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок // Федеральное агентство по туризму. Режим доступа: https://goo.gl/5JrgEG (дата обращения: 13.10.2017); Yearbook of Immigration Statistics. US Department of Homeland Security. Режим доступа: https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook (дата обращения: 13.10.2017); National Bureau of Statistics of China.

Как видно из табл. 6, значительный туристический поток в Монголию идет из Китая, он почти в 2 раза превышает российский и в 10 раз американский. Но нельзя не отметить тенденции снижения приезжих из КНР в последние годы.

Таким образом, компонент «культурно-цивилизационные ценности» можно оценить следующим образом: РФ – 31,36 балла, США – 29,4 балла, КНР – 47 баллов.

Последняя национальная перепись населения в Монголии проводилась в 2010 г. Согласно данным переписи, на территории страны проживает 8688 китайских граждан, 2474 российских и 656 американских. При этом считается, что большинство мигрантов из Китая занимается торговлей или ресторанным бизнесом. Отношение местного населения к китайцам также не всегда можно назвать дружелюбным. Синофобия присуща и монгольскому государству: это связано в первую очередь с историческим насле-

дием и борьбой за независимость Монголии, а также длительным периодом соседства двух культур. В китайском интернет-пространстве можно даже наблюдать статьи с заголовками: «Почему монголы не любят китайцев». По словам жителей Монголии китайского происхождения, зачастую все проблемы связывают с китайской стороной, а новости о «проступках» широко тиражируются. К тому же, некоторые исследователи полагают, что синофобия на территории Монголии также может быть вызвана и попытками культурной интервенции со стороны Пекина, в том числе «присваивание» Китаем исторического и духовного наследия центральноазиатской страны незамедлительно влечет за собой негативную реакцию со стороны представителей монгольской элиты [Терентьев, 2016].

Таблица 7. Оценка компонента «успешная социальная модель»

Страна	Показатель «мягкой силы» на 2010 г., баллов
РФ	0,0024
КНР	0,0086
США	0,0006

Таким образом, исходя из вышеперечисленного, можно подсчитать совокупный показатель «мягкой силы» не только КНР, но и России и США в Монголии.

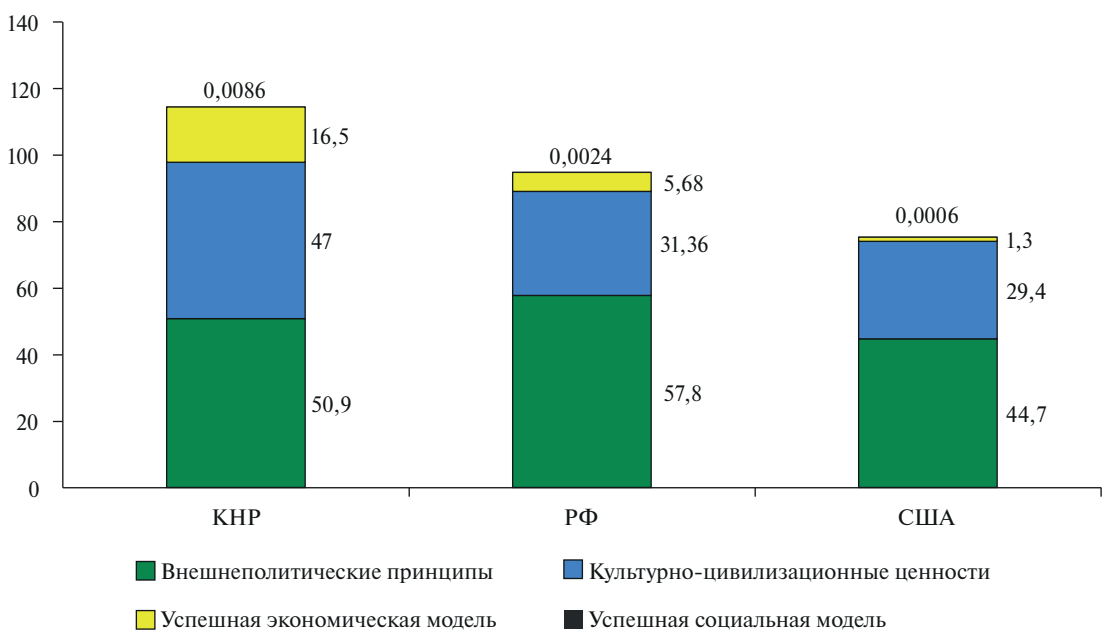

Рис. 5. Совокупная «мягкая сила» КНР в Монголии в сравнении с РФ и США[39]

Согласно рис. 5, КНР по совокупной «мягкой силе» значительно превосходит своих партнеров – ее сумма составляет 114,4 балла. При этом существенный вклад в формирование позитивного образа вносят компоненты «культурно-цивилизацион-

[39] Составлено автором на основе проведенного исследования.

ные ценности» (47 баллов) и «внешнеполитические принципы» (50,9 балла). Следом идет Россия – ее сумма составляет 94,8 балла. При этом надо отметить равнозначность влияния компонента «культурно-цивилизационные ценности» у США и России: разница составляет менее 2 баллов в пользу России. Китай по данному показателю значительно опережает и Россию, и США.

Итак, сравнение результатов совокупной «мягкой силы» КНР, России и США в Монголии позволяет сделать несколько выводов.

1. Китай и Россия ведут довольно активный политический диалог с Монголией, поэтому компонент «внешнеполитические принципы» значительно опережает аналогичный показатель США. Безусловно, этому способствует географическое соседство, интеграционные процессы в регионе и общность ряда проблем, включая решение вопросов региональной и экологической безопасности.

2. Компонент «успешная экономическая модель» играет важную роль и занимает одну из верхних строк в отношениях Пекина с Улан-Батором, придавая им большую динамику, именно по этому показателю уже сейчас КНР в разы опережает Россию и США. Вероятно, этот компонент нельзя назвать основным движущим фактором «мягкой силы», но он определенно задает тональность во взаимодействии Китая с государствами-объектами, а также закладывает основу для продвижения других составляющих «мягкой силы». Тем не менее нельзя не отметить уменьшение его роли в последние годы в связи с экономическим кризисом в Монголии, что демонстрирует снижение товарооборота, объемов капиталовложений и ОПР. Уменьшение значимости «денежного фактора» говорит о необходимости использования новых механизмов для продвижения привлекательного образа государства, в том числе культурно-цивилизационных ценностей.

3. Именно Китай в настоящее время демонстрирует наибольшее использование компонента «культурно-цивилизационные ценности». В Монголии данный компонент детально проработан китайской стороной и действенен, что позволяет говорить о вовлеченности этого государства в орбиту влияния Пекина. Показатели России и США различаются несущественно, что говорит о снижении активности Москвы в сфере продвижения национального языка, развития культурного и научного сотрудничества, и довольно значимых успехах Вашингтона на данном направлении.

Источники

Журавлева Е.В. (2016а) Стратагема красотки: теории «мягкой силы» с китайской спецификой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 16. № 1. С. 17–31.

Журавлева Е.В. (2016б) Система «мягкой силы» с китайской спецификой и ее особенности в Китае // Политические процессы в условиях смены экономической модели: материалы ежегодн. науч. конф. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва, 16 и 18 марта 2016 г. Вып. 31. С. 140–151.

Кабанова Е.В. (2014) Политика российского правительства по отношению к монгольскому и казахскому народам в конце XVII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 3. С. 91–101.

Ломанов А.В., Кобелев Е.В. (ред.) (2015) «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН.

Михневич С.В. (2014) Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2. С. 95–129.

Мосты (2014) Монголия и Россия открывают новую страницу в торгово-экономических отношениях. 14 сентября. Режим доступа: http://goo.gl/wt7haJ (дата обращения: 12.01.2014).

Наумов А. (2008) Русский след в Монголии // Русский мир. Режим доступа: http://russkiymir.ru/media/magazines/article/141867/ (дата обращения: 12.01.2014).

Терентьев В.И. (2016) Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. № 406. С. 152–157.

Фалилеева Н.В., Филин С.А., Дугаржав Л., Ерофеева И.А. (2013) Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Приоритеты России. № 12. С. 10–22.

Фань С. (2014) Китай и Монголия: новый уровень стратегического партнерства // Сайт МГИМО(У) МИД РФ. Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/experts/261738/ (дата обращения: 12.01.2014).

Харитонова Е.М. (2015) Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 48–58.

Эрдэнэмаам С. (б. г.) Русский язык в Монголии // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Режим доступа: http://ru.mapryal.org/русский-язык-в-монголии/ (дата обращения: 20.03.2016).

Bnews (2015) Монголия заинтересована в активизации сотрудничества с ЕАЭС. Режим доступа: https://bnews.kz/ru/news/tamojennyi_soyuz/ekonomika/mongoliya_zainteresovana_v_aktivizatsii_sotrudnichestva_s_eaes (дата обращения: 21.03.2016).

Ernst & Young (2012) Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring. Режим доступа: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets:_Soft_power_index/$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

McClory J. (2010) The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. The Institute for Government. Режим доступа: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

OECD (2016) Organization for Economic Co-Operation and Development Stat. Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]. Режим доступа:http://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=TABLE1 (дата обращения: 20.03.2016).

UNCTAD (2013) Investment policy review. Mongolia. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcb2013d3_en.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Zhu Zhonghe (2015) US and Mongolia Collaborate on Conservation // Asia Matters for America Matters for Asia, 8 December. Режим доступа: http://www.asiamattersforamerica.org/asia/us-and-mongolia-collaborate-on-conservation (дата обращения: 12.03.2016).

Приложение 1

Соответствие ключевых инструментов и баллов «мягкой силы» субъекта

Компонент	Инструмент	Балл «мягкой силы»
Внешнеполитические принципы	1 визит на высшем уровне	1
	Одновременное участие в международной организации	1
	1 Межправительственная структура	1
	Уровень вечной дружбы/ Уровень всеобъемлющего стратегического партнерства/ Уровень стратегического партнерства/ Уровень всестороннего партнерства	1/0,9/0,8/0,7
Успешная экономическая модель	1 млрд долл. США (товарооборот)	1
	1 млрд долл. США (ПИИ)	1
	1 млрд долл. США (внешний долг)	1
	Участие в интеграционном проекте	1
	Расчет в национальной валюте	1
	1000 зарегистрированных компаний с иностранным капиталом	1
	100 млн долл. США (ОПР)	1
Культурно-цивилизационные ценности	1 культурный центр	1
	1 центр изучения иностранного языка	1
	1000 студентов, обучающихся в стране-субъекте	1
	1000 студентов, обучающихся в стране-объекте на языке страны-субъекта	1
	1 филиал вуза страны-субъекта	1
	1 совместный вуз	1
	Участие в интеграционном образовательном проекте	1
	Наличие структуры, контролирующей научно-техническое сотрудничество	1
	10 неофициальных культурно-массовых мероприятий страны-субъекта в год	1
	10 официальных культурных мероприятий страны-субъекта в год	1
	10 ресторанов с национальной кухней страны-субъекта	1
	10 фильмов производства страны-объекта, вышедших в кинопрокат в стране-объекте за год	1
	Доминирование социальной сети страны-субъекта	1
	Вещание информагентства	1
	Вещание кабельного/спутникового телеканала	1/0,9
	Вещание радиостанции	1
	100 тыс. туристов страны-субъекта	1
	100 тыс. туристов страны-объекта	1
	Безвизовый режим/ особые визовые условия	1/0,9
Успешная социальная модель	1 млн человек в стране-объекте, идентифицирующих себя с титульной нацией страны-субъекта	1

Applied Analysis of the Soft Power ofthe PRC, Russia and the U.S. in Mongolia[1]

E. Zhuravleva

Evgenia Zhuravleva — Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Lecturer, Department of World Economy and International Relations of IBS, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russia; E-mail: zhuravleva_ev@rudn.university

Abstract

This article analyzes the soft power of the People's Republic of China (PRC) in Mongolia from 2009 to 2016. To determine the scope of Chinese policy in this area, the author analyzes the indicators of two other influential actors in the region: the Russian Federation and the United States. The author uses a comparative approach to evaluate the effectiveness of China's soft power and a quantitative method to calculate a soft power index based on the system proposed by the author drawing on the experience of a British think-tank, the Institute for Government.

Four components of the soft power toolkit are analyzed: foreign policy principles, a successful economic model, a successful social model and cultural and civilizational values. This analysis reveals which of the components is most actively used by the state-subject and which has the greatest degree of influence on the formation of a positive image of China in Mongolia. Based on this analysis, the author identifies flaws in the projects of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia which clearly demonstrate the ineffectiveness of policy in this area. The dominance ofChina is demonstrated in several ways, from its economic influence to its penetration of the national language and culture. China is gradually increasing its emphasis on cultural and civilizational valueswithin the framework of its soft power policy due to the lessening significance of a successful economic model as a component of soft power. This is due not only to a slowdown in the growth of the Chinese economy but also to the economic crisis inside Mongolia.

Nevertheless, the author concludes that, despite quite good indicators, the PRC also experiences certain difficulties with the implementation of its soft power policy. Sinophobia is prevalent in Mongolia, and as a result, the most important part of soft power — the formation of a positive image — is absent.

Key words: soft power index; soft power of China; Russia; U.S.; Mongolia; foreign policy of PRC; Confucius Institute

For citation: Zhuravleva E. (2018) Applied Analysis of the Soft Power of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 1, pp. 171—192 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-10

References

Erdenemaam S. (n/a) Russkii yazyk v Mongolii [Russian lLanguage in Mongolia]. *MAPRYaL*. Available at: http://ru.mapryal.org/russkii-yazyk-v-mongolii/(accessed 20 March 2016). (In Russian.)

Ernst & Young (2012) Rapid- growth mMarkets sSoft Ppower I index. Spring 2012. Available at: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Rapid-growth_markets:_Soft_power_index/$FILE/Rapid-growth_markets-Soft_Power_Index-Spring_2012.pdf (accessed 26 September 2017).

[1] The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project RFBR-CASS No. 17-27-21002.

Falileeva N.V., Filin S.A., Dugarzhav L., Erofeeva I.A. (2013) Problemy vzaimodeistviya Rossii i Mongolii v sfere obrazovaniya [Problems of interaction between Russia and Mongolia in the field of education]. *Prioritety Rossii*, no 12 (201), pp. 10–22. (In Russian.)

Fan' S. (2014) Kitai i Mongoliya: novyi uroven' strategicheskogo partnerstva [China and Mongolia: a new level of strategic partnership]. *Sait MGIMO(U) MID RF*. Available at: https://mgimo.ru/about/news/experts/261738/(accessed 12 January 2014). (In Russian.)

Kabanova E.V. (2014) Russian Government Policy Towards Mongolian And Kazakh Nations In Late XVII–XVIII Centuries. *RUDN Journal of Russian History*, no 3, pp. 91–101. (In Russian.)

Kharitonova E.M. (2015) Effektivnost' "myagkoi sily": problema otsenki [Efficiency of "soft power": the problem of evaluation]. *Mirovaya ekonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya*, no 6, pp. 48–58. (In Russian.)

Lomanov A.V., Kobelev E.V. (eds) (2015) "Soft power" in China's Rrelations with the Outside World. (2015). Moscow: IFES RAS. (In Russian.)

Mikhnevich S.V. (2014) Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki "myagkoy sily" Kitaya [The Panda in the Dragon's Service: The Main Directions and Mechanisms of China's Soft Power Policy]. *International Organisations Research Journal*, vol. 9, no 2, pp. 95–129. (In Russian.)

Ernst & Young.Naumov A. (2008) Russkii sled v Mongolii. [Russian track in Mongolia] *Russkii mir*. Available at: http://russkiymir.ru/media/magazines/article/141867/ (accessed 12 January 2014). (In Russian.)

OECD (2016) Organisation for Economic Co-Operation and Development Stat. Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]. Available at: http://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=TABLE1 (accessed 20 January 2016).

Terent'ev V.I. (2016) Obrazy Kitaya i kitaytsev v natsional'nom samosoznanii mongolov [Images of China and the Chinese in Mongolian national consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 406, pp. 152–157. (In Russian.)

McClory J. (2010) The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. The Institute for Government. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (accessed 13 January 2016).

Zhu Zhonghe (2015) US and Mongolia Collaborate on Conservation. *Asia matters for America matters for Asia*. Available at: http://www.asiamattersforamerica.org/asia/us-and-mongolia-collaborate-on-conservation (accessed 12 March 2016).

UNCTAD (2013) Investment Ppolicy Rreview. Mongolia, p. 30. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcb2013d3_en.pdf (accessed 12 January 2014).

Zhuravleva E.V. (2016a) Beauty trap: Chinese Theories of "Soft Power". *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 16, no 1, pp. 17–31. (In Russian.)

Zhuravleva E.V. (2016b) Sistema "myagkoi sily" s kitaiskoi spetsifikoi i ee osobennosti v Kitae [The system of "soft power" with Chinese characteristics and its features in China]. Politicheskie protsessy v usloviyakh smeny ekonomicheskoi modeli: materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovanii i prognozov IDV RAN (16–18 March 2016, Moscow), vol. 31, pp. 140–151. (In Russian.)